

Роман Брюханов

НАЕДИНЕ С БЕЗДНОЙ

Роман Брюханов

Наедине с бездной

<https://litres.ru/74412918>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь подходили к краю обрыва на огромной высоте? Знакомо вам это ощущение, когда понимаешь, что одно неверное движение, и ты сорвешься вниз и, даже если выживешь, стать прежним уже никогда не сможешь? Тогда, наверное, хотя бы раз у вас возникала мысль о привлекательности этого полета в бездну, в неизвестность, в вечность.

Человеческая природа так устроена, что каждый из нас на своем жизненном пути многократно оказывается на краю подобного обрыва. Только этот обрыв и открывающаяся за ним бездна – в наших головах, и граница между твердью и полетом в неизвестность – это тонкая линия между моралью и безнравственностью, уверенностью и страхом, добром и злом.

Вот тогда-то человек и оказывается наедине с бездной. Лицом к лицу. Существо, имеющее жизнь от Бога, и бесконечное нечто, несущее смерть от Дьявола. Но что бы ни происходило, решимость выстоять должна быть на первом месте. Не позволить смраднему дыханию бездны влиять на себя. Не дать ей ни малейшего шанса.

Содержание

О чём молчат могилы	4
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Наедине с бездной

О чём молчат могилы

*Нет ничего тайного, что не
сделалось бы явным, и ничего
не бывает потаенного, что не вышло
бы наружу.
<i>Евангелие от Марка, 4:22</i>*

1

Покоившийся на столе телефон ожил, задрожал, застонал протяжно и горько, наполнил окружающее пространство скрежетом.

Очнувшись от обеденной дремы, Лена часто заморгала, зашлепала губами, пытаясь поскорее прийти в себя и сообразить, что происходит. Она выпрямилась в кресле, нахмурившись, покосилась на телефонный аппарат, с силой потерла лицо. Часы над входной дверью показывали без четверти два.

Аппарат не унимался.

Лена откашлялась, приводя голос в порядок, и потянулась к трубке.

– Похоронное бюро «Никольское», Зацепина Елена, слушаю вас.

– Здравствуйте, – мелодичный голос принадлежал, веро-

ятно, молодой девушке.

– Добрый день.

– У нас могила обвалилась, – сказала девушка.

– Вы попали в отдел кадров, – ответила Лена. – Вам нужно позвонить в отдел по работе с клиентами, номер...

– Помогите, пожалуйста, – словно не расслышав, продолжала собеседница. – У нас могила обвалилась.

– Девушка, я вам объясняю, я не занимаюсь этими вопросами. У меня кадры. А вам надо...

– Ну, пожалуйста, – умоляла девушка. – Я только вам смогла позвонить. Помогите. Могила обвалилась. Ваши люди рядом копали, и она обвалилась.

Вздыхнув, Лена взглянула на часы. В клиентском отделе сейчас все равно никто не ответит.

– Ладно, – сдалась она, – вы у нас обслуживались?

– Нет. Просто ваши люди копали...

– Откуда вы знаете, что это наши?

Молчание.

– Кладбище... – спросила Лена. – Кладбище какое?

– Красносельское. Наши могилы с южной стороны, номера мест не знаю, но вы увидите. Там могила обвалилась.

– Ваши... – рассеянно произнесла Лена, записывая данные на желтый стикер. – Угу. Ваших родителей? Бабушка, дедушка? Кто там? Фамилии?

– Могилы с южной стороны, – повторила девушка. – Вы увидите. Помогите, пожалуйста.

Короткие гудки. Лена некоторое время слушала их, затем пожала плечами и вернула трубку на аппарат. После обеда она занесла стикер в клиентский отдел и посчитала свой долг выполненным.

2

Елена Зацепина, кадровик с двенадцатилетним стажем, к тому же человек педантичный и аккуратный, всегда тщательно прибиралась на рабочем месте. Поэтому желтый стикер со сделанными накануне записями увидела сразу, как вошла в кабинет утром. Он красовался посреди стола, уголки стикера слегка загнулись кверху, в нижней части карандашом было написано «*Там нет мест*».

Лена переклеила стикер на монитор и набрала номер клиентского отдела.

– Тань, что значит «нет мест»? – с ходу спросила она, когда ей ответили.

– И тебе доброе утро, Лен, – ответила Таня. – Это значит, что южная сторона Красносельского давно занята, там уже не хоронят.

– И что?

– А то, что наши не могли там копать. Ты ошиблась. Ну, или тот, кто тебе звонил, – она помолчала. – Может, кладбище другое?

– Да нет... – неуверенно сказала Лена. – Вроде про Красносельское шла речь. Блин.

– Уточни, – посоветовала Таня.

– Да я не могу уточнить, – пробормотала Лена. – Они номер не оставили... И вообще! – вдруг вспылила она. – Какого черта я этим должна заниматься?! Ваша работа! Участок не мой!

Она бросила трубку, сорвала листок с монитора, скомкала его и швырнула в мусорное ведро. Сразу зазвонил телефон. Лена удостоила его грозным взглядом, выругалась про себя и сняла трубку.

– Тань, прости, – начала она, – что-то я погорячилась...

– Вы не помогли, – услышала она знакомый мелодичный голос. – Помогите, пожалуйста. Могила совсем обвалилась.

– Ой, – осеклась Лена. – Да, девушка, здравствуйте! Хорошо, что вы позвонили! Вы знаете, наверное, произошла ошибка... Мы не нашли, кто бы мог копать на Красносельском. Вы уверены насчет кладбища?

– Да, с южной стороны. Места я не знаю...

– Я помню это, да, – сказала Лена, потирая лоб. – Но там не хоронят уже давно. Там не должны были копать.

– Ваши там копали, я знаю. Могила обвалилась, – настаивала собеседница.

«Сколько ей лет? – подумала Лена. – Голос молодой. Двадцать? Может, меньше?»

– Я... – начала она.

– Помогите, прошу вас, – повторила девушка и отключилась.

– Да что ж такое-то! – воскликнула Лена, хлопнув трубкой по аппарату.

Она покосилась на мусорное ведро. Скомканный желтый стикер лежал на горе мятых бумаг. Вечером уборщица забрет мусор, и стикер навсегда покинет кабинет, никто никогда о нем не вспомнит. Или вспомнит? Лена поморщилась.

– Я только проверю, – пробормотала она сама себе.

Затем нашла в сотовом нужный номер, набрала его.

– Алло, Геннадич, привет! Это Лена Зацепина, из кадров. Да, благодарность тебе вписала. Слушай! – Кто-то постучался и попытался войти в кабинет, но Лена шикнула на него, и он ретировался. – Слушай, ты ведь сегодня на Красносельском? Проверь для меня кое-что. Спасибо! Дело такое...

3

Когда Дмитрий Геннадьевич перезвонил, у него, по традиции, было две новости: плохая и хорошая.

Хорошая заключалась в том, что землекопы действительно в последнее время ничего не копали на Красносельском кладбище, тем более в южной части, давно занятой. Значит, «Никольское» было не при делах. Баба с возу, как говорится. Плохой новостью стало то, что каких-либо осыпавшихся могил на кладбище Геннадич не нашел.

– Да как так-то? – спросила Лена.

– А это наше ли Красносельское? – спросил вместо ответа смотритель.

– Ну, – она замялась. – Я думаю да. А есть другое?

– Имеется одно, – Лена представила, как Геннадич при этом разглаживает свои пышные, белые, как первый снег, усы, и хитро щурится. – Зброшенное. Это оно Красносельское. Наше-то было Новое, когда здесь хоронить начали. А когда то, старое, забросили, название и перекочевало.

– Ничего не понимаю, – сказала Лена. – Значит, Красносельских два?

– И да, и нет, – засмеялся смотритель. – Настоящее – старое. А это уже по привычке стали называть. Новое-то по эту сторону села, ближе к городу. А то – за селом, между холмов, в распадке. Там мои дед с бабкой лежат. Туда и дороги, наверное, нет уже, я тыщу лет не бывал.

Лена помолчала.

– Кто тогда там копал? – наконец, спросила она. – И чья могила там обвалилась?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Ошиблись, небось. Смотрителя там нету, проверить некому, – он помолчал. – Так ты, говоришь, благодарность-то мне вписала?

– Вписала, Геннадич, – рассеянно ответила Лена. – Вписала.

4

В пятницу никто, кроме Лены, засиживаться в офисе не стал.

Когда раздался телефонный звонок, она не удивилась,

словно ждала его. Лена сдернула трубку с аппарата, чтобы вновь услышать молодой голосок:

– Совсем-совсем могила обвалилась. Помогите, пожалуйста!

– Послушайте, девушка, – раздраженно начала Лена, – что вы мне голову морочите?! Какая могила? Чья могила?

– Моя могила, – чуть слышно произнесла собеседница, и по спине Лены побежали мурашки. Во рту пересохло, поэтому она не сразу смогла выдавить из себя хоть слово.

– Эээ... – прохрипела она наконец. – Вы кто?

– Умоляю вас, помогите! Я только вам смогла позвонить. С южной стороны, под холмом. Ваши копали, и она обвалилась. Скорее! Очень прошу! Надо поспешить!

Короткие гудки.

Лена почувствовала, что кондиционер не справляется со своей работой, потому что капли пота устроили гонки на ее спине. *Кто быстрее стечет в трусы, эгей!* И претендентов на первое место, казалось, было не меньше десятка.

Когда ватное ощущение в ногах прошло, Лена встала и сделала несколько кругов по кабинету. Могло ей послышаться то, что сказала девушка про могилу? Тяжелая неделя, куча бумажной работы, жара...

Лена села и откинулась на спинку кресла. Любопытство никогда не было чертой ее характера, но и звонков, подобных этому, она никогда не получала. Лена понимала, что существует только один способ все выяснить.

– Алло, Геннадич, это Лена опять. Ты можешь завтра съездить со мной на старое кладбище?

– Ты что? Я ж на посту. Я тебе дорогу объясню. Сама и сходи.

Странно, что старик не задался вопросом, зачем ей это надо, хотя она и сама не могла себе ответить. Сердце замирало, а душа покрывалась инеем при мысли о том, что придется тащиться на заброшенное кладбище в одиночку. Позвонить бывшему мужу? Наверняка, поднимет на смех. Подруг попросить? Они трусихи почище нее, те точно откажут.

Лена поднялась и вперилась взглядом в телефонный аппарат. «Откуда ж ты мне звонишь? – мысленно спросила она. – Оттуда ведь не звонят».

5

Субботнее утро выдалось солнечным и душным. Лена надела спортивный костюм, сложила в рюкзачок фонарик, термос с чаем, пару бутербродов, пакет огурцов с родительской дачи и вызвала такси до Красного села.

Геннадич все толково объяснил, хотя глубоко в душе Лена надеялась, что его рассказ будет невнятным, и она сможет сама перед собой оправдаться, почему найти кладбище не получилось. А искать, собственно, и не пришлось. От села к погосту вела заросшая полынью и конским щавелем дорога, по которой когда-то, возможно, передвигались машины, теперь же можно было пройти только пешком, протискиваясь

между зарослями травы и подныривая под низко нависающие ветви деревьев.

Лена миновала почерневшие остовы двух заброшенных домов, тянувшихся к небу закопченными печными трубами и, натянув рукава кофты на кисти рук, с замиранием сердца стала прокладывать себе путь в чаще из высокой, в человеческий рост, полыни, с ужасом понимая, сколько всякой живности сейчас повиснет на ней, а возможно, даже заберется под одежду. На козырек кепки налипала противная тягучая паутина, иногда с сидящими на ней огромными пауками, некоторые из которых норовили, раскачиваясь, зацепиться за нос. Лена брезгливо смахивала их рукавами, каждый раз взвизгивая от страха.

Несмотря на ясный день и поднявшийся ветер, под деревьями было сумрачно и тихо. Земля парила, застоявшийся воздух пах прелыми листьями и грибами. Два раза Лена думала, что заблудилась. В эти моменты становилось трудно различить, где проходит дорога, а где начинается лес. Однако, когда тропа стала огибать первый холм (Земляничный, так его называют местные, сказал Геннадич), Лена поняла, что этот путь – единственный. Слева круто вверх уходил склон холма, устланный низкорослым кустарником с мелкими ярко-розовыми цветками, а справа обрывом начинался широкий овраг, соскользнув в который можно было наверняка свернуть себе шею. Высоко в кронах деревьев затрещал дятел.

Чувство суеверного страха ни на секунду не отпускало Лёну. Чем глубже она заходила в лес, тем чаще ей стало казаться, что за ней следят. Она обогнула холм и стала удаляться от оврага, когда ей померещилось, что слева, на склоне, от дерева к дереву метнулась темная фигура. Сердце подскочило к гортани, ноги вросли в землю, волосы встали дыбом. Лёна схватилась рукой за тонкую березку, будто в случае опасности деревце могло как-то спасти ее. Было очень опрометчиво идти сюда одной. Вообще идти сюда! Чем она только думала!?

Лёна несколько минут вглядывалась в чащу, напрягая все свое зрение, но напрасно. Над розовыми цветками пышного кустарника кружили бабочки и пчелы, изредка с дерева срывался лист и плавно пикировал вниз; ничто больше не нарушало лесной идиллии.

Постепенно дыхание пришло в норму, Лёна смогла разжать пальцы.

— Кто здесь? — робко спросила она, и звук ее голоса тут же поглотила тишина чащи.

Дятел ответил треском, напоминавшим скрип старых прожавевших дверных петель. Эхо повторило его.

Оставшуюся часть пути Лёна проделала ускоренным шагом, стараясь смотреть прямо перед собой или под ноги. Еще не хватало какого-нибудь Вия тут увидеть, думала она.

Спустя полчаса Лёна наткнулась на заросшую выюном и все тем же кустарником с розовыми цветками ржавую огра-

ду. Она отделяла лес от территории старого Красносельского кладбища. Над покосившимися каменными надгробиями и деревянными крестами стелился густой туман.

– Ну конечно, как же без этого, – пробормотала Лена, невольно вспоминая фильмы ужасов, где главные герои, словно подхватив вирус глупости, за каким-то чертом тащились на кладбища и в склепы, где их непременно встречали оборотни, злобные карлики или зомби. И обязательно съедали большую часть группы.

Туман бережно принял Лену в свои объятия и даже, как ей показалось, немного рассеялся, когда она стала продвигаться вглубь, лавируя между невысокими холмиками, где, судя по всему, когда-то были могилы.

«Южная часть – справа от входа, – объяснял Геннадич. – Как войдешь, сразу иди вправо. Дойдешь до Медвежьего холма (*и почему меня не насторожило название?* спрашивала себя Лена, перешагивая через упавшее надгробие), там и южная часть. По склону ищи свою (*свою?*) могилу».

Дятел умолк. Сумрак сгустился. Бабочек и пчел больше не было видно. Хлопья тумана постоянно двигались, как живые. Воздух стал спертый и тяжелым, его приходилось с усилием проталкивать в легкие, чтобы не задохнуться. Каждая клеточка кожи источала пот, одежда намокла и прилипла к телу. пышные курчавые волосы, которыми Лена так гордилась, выбились из-под кепки и безобразно торчали в стороны, несколько прядей облепили лицо. Бедра гудели. Манже-

ты спортивных штанов задрались кверху, и лодыжки, по которым хлестала трава, беспощадно чесались.

Когда наметился подъем в гору, могилы закончились. Этот – последний – ряд и был ей нужен.

Лена сняла кепку, стянула волосы в тугой «хвост» и, тяжело дыша, двинулась вдоль поросших мхом и травой надгробий. Попадались и совсем сгнившие деревянные кресты, где между расплзающимися волокнами копошились белые личинки, и металлические пластины с именами и годами жизни умерших, и большие каменные глыбы, на которых угадывались даже бледные фотографии.

Не заметить яму действительно было трудно. Большим черным, будто бездонным, отверстием зияла она в пространстве между могилами. С ее краев, как повисшие в бессилии руки с обрубленными кистями, свешивались корни растений, позади, на склоне холма, высилась гора наваленной земли, из которой торчали черенки двух лопат.

Когда глаза привыкли к полумраку, Лена заметила, что стенка слева действительно обвалилась, обнажив край сгнившего гроба. Лена огляделась. Туман как будто поднялся выше и продолжал шевелиться уже на уровне головы, еще более затрудняя дыхание. Тогда Лена пригнулась и приблизилась к надгробию над обвалившейся могилой. Это была небольшая металлическая пирамида, плотно затянутая мхом. Рядом с ней, в полуметре, стояло еще одно такое же надгробие.

Лена подобрала с земли палку и принялась счищать с лицевой стороны пирамиды мох. Постепенно она увидела пластину с высеченными на ней буквами. Чтобы прочесть написанное, пришлось стереть остатки холодной, как лед, грязи руками. Надпись гласила:

ЧЕРМЯШИНА АНАСТАСИЯ ЕГОРОВНА

15/ IX /1899 – 28/ VI /1925

И все. Никаких эпитафий, вычурных стишков или претендующих на философские афоризмы фраз.

«Все-таки ей двадцать шесть», – подумала Лена, высчитав в уме возраст. А голос звучал моложе. «Неужели ты думаешь, что это она тебе и звонила?! – одернула она сама себя. – Но это же бред! Она умерла сто лет назад!»

И тут Лену словно окатило ледяным душем.

Ровно сто лет назад!

Лена глянула на часы. Окошко даты показывало 28 июня. Надпись на втором надгробии говорила о многом:

ЧЕРМЯШИН ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ

23/ II /1896 – 28/ VI /1925

Муж. Двадцать девять лет. Умерли в один день. Убиты? Возможно, у них не было детей. А если были? Живы ли сейчас их внуки? Знают ли об этой могиле? Можно было только догадываться.

Лена достала телефон и сфотографировала оба надгробия, наверняка, установленные родственниками взамен старых деревянных крестов.

Размышляя о судьбе этих молодых людей и о том, зачем им нужно здесь ее присутствие, женщина присела на пенек перед могилами.

Туман поднялся еще выше, окутывая теперь кроны деревьев.

Наверное, следовало закопать яму, чтобы восстановить обвалившуюся стенку могилы, ведь об этом просила девушка (Анастасия), каким-то невероятным образом позвонившая ей по телефону. Объем работы ужасал, но Лена полагала, что справится. Кому и для чего понадобилось выкапывать еще одну могилу? Девушка говорила, что копали сотрудники «Никольского». Разве могла она *оттуда* видеть землекопov?

Лена схватилась за сухую ветвь поверженного бурей дерева и потянула. Ветка затрещала, но не поддавалась. Лена крутила импровизированную лопату из стороны в сторону, пытаясь оторвать ее от ствола. Во время очередной передышки, когда Лена отдавалась во власть тишины старого кладбища, невольно находя ее привлекательной, где-то вдалеке раздались звуки человеческой речи. Внутри стало пусто и холодно.

Кто-то разговаривал. Вполне человеческими мужскими голосами. Судя по менявшимся интонациям, говоривших было двое, и они переругивались. Вглядевшись в сумрак, Ле-

на увидела, что мужчины двигаются оттуда, откуда пришла она сама, и, вероятнее всего, идут в ее сторону. Они несли что-то тяжелое, один держал спереди, другой – сзади. По мере их приближения женщина разглядела сине-зеленую униформу землекопов «Никольского» бюро.

«Вот кто копал яму, – подумала она. – И сейчас они закопают здесь то, что несут».

Догадка о том, чем это могло быть, напугала Лену почище темного силуэта в лесу. Она поняла, что любой свидетель рискует разделить могилу с погребенным.

Лена плюхнулась на четвереньки и поползла в сторону огромного ствола поваленного дерева в нескольких метрах от захоронения четы Чермяшиных. Перекатившись через ствол, она привалилась к нему спиной и прижала к груди рюкзак, стараясь замереть и не издавать ни звука.

Голоса приближались. Теперь Лена отчетливо слышала: одному не нравилось, что его напарник слишком торопится, отчего первый цепляется ногами за кочки, обвиняемый же всю доказывал коллеге, что тот слюнтяй и нытик, и не следовало брать с собой его, а лучше Коляна, ведь Колян – мужик. Они остановились у ямы и замолкли. Дважды шелкнула зажигалка, в сторону Лены потянуло табачным дымом.

Осторожно, стараясь не издавать ни звука, она отложила в сторону рюкзак и медленно поползла на животе к мощной корневой системе дерева, когда-то прочно удерживавшей исполинское растение в земле. Корни причудливо переплета-

лись между собой, образуя своего рода решетку, между прутьями которой протиснулся бы далеко не всякий зверь. Одно из таких отверстий позволяло Лене наблюдать за происходящим.

Землекопы молча курили. У их ног лежал черный полиэтиленовый мешок с чем-то крупным, длиной (*в человеческий рост*) около двух метров. Лена не могла припомнить их лиц. Вроде бы не видела этих людей раньше. Конечно, ведь они для нее были только ФИО и дата рождения в табеле. Закончив, мужчины бросили окурки в яму. Тот, что был повыше и крепче, взялся за ближний к нему конец мешка, второй – вероятно, тот, вместо которого нужно было взять Коляна – подхватил другой.

– И ррраз, – сказал высокий.

Мешок шлепнулся в яму. Лена вздрогнула.

Первые комья земли, полетевшие в могилу, стучали по полиэтилену и тому, что было внутри. Без сомнения, более мерзких звуков Лена в жизни не слышала. Когда слой почвы покрыл кошмарную тайну, в спертom воздухе старого заброшенного кладбища раздавалось только клацанье вонзаемых в грунт лопат.

Лена отползла к рюкзаку.

Появление этих двоих вызвало еще больше вопросов, чем казалось сначала. Почему землекопы «Никольского» участвуют в тайном захоронении каких-то трупов? Сколько здесь еще закопано людей, за которыми смерть пришла раньше

срока, и чьи родственники никогда не получают их тела, чтобы похоронить, как положено? Не об этом ли на самом деле предупреждала ее Анастасия?

Через некоторое время стук лопат прекратился, и мужчины опять закурили.

– Че там шеф говорил, надо кого-то еще тут закапывать? – спросил один хрипло.

– Тебе какое дело? – огрызнулся другой. – Все равно я тебя больше не возьму. Коляна возьму. Колян – мужик.

Оба помолчали.

– Да не гони, – умиротворяющим тоном сказал первый. – Мне бабки во как нужны. Ирка алименты требует, задолбала уже.

– Тут больше никого не будем, – после небольшой паузы тихо ответил напарник. – Тут и так уже человек двадцать зарыли. Палево.

– А где тогда?

– Не знаю. Он не сказал. Тебе не пофиг? Пошли.

Негромко переговариваясь, они стали удаляться. Лена выглянула из укрытия только тогда, когда их не было ни видно, ни слышно.

Туман совсем растворился. Над ухом жужжал комар, и Лена шлепнула себя по щеке.

Она вышла к свежей могиле, с замиранием сердца понимая, что сейчас там лежит чей-то (*муж, отец, сын?*) родственник, а она никак не вмешалась в происходившее. Но

что могла сделать она, сотрудник отдела кадров похоронного бюро, против двух землекопов, похоронивших за свою жизнь больше людей, чем она оформила на работу? Пускай один из них был нытиком и в подметки не годился Колянну.

Лена очистила могилы Димы и Насти от веток, сухих листьев и травы, платком стерла с надписей оставшуюся грязь так, чтобы они четко читались. Потом зачем-то перекрестилась, не будучи уверенной, что делает это правильно, и двинулась в обратный путь.

7

Все утро понедельника Лена не находила себе места. Работа не шла, цифры на мониторе расплывались, концентрация не включалась. Чувство вины за бездействие прочно обосновалось в груди, то вспыхивая сильнее, то спадая до едва ощутимого покалывания.

Как только зазвонил телефон, она схватила трубку и закричала:

– Настя! Настя! Это ведь ты, да?! Ты, Настя?

– Спасибо, – знакомый голосок зазвучал спокойно и размеренно. – Вы помогли.

– Господи, Настя! Я ничего не сделала! Как это, скажи? Как ты мне звонишь?

– Но вы знаете, что это не все, – продолжила девушка, игнорируя вопросы. – Вы знаете, что нужно сделать.

– Я... не совсем понимаю... – не своим голосом сказала

Лена. – Настя! Погоди!

В трубке было тихо.

– Как вы погибли? Вы с Димой.

Молчание.

Из глаза Лены выкатилась слеза, и она тут же размазала ее по щеке.

– Мне так жаль, Настенька... – всхлипнула она. – Мне так жаль...

– Вы знаете, что делать дальше, – повторила Настя. – Спасибо вам.

Связь оборвалась.

Мысли роились в голове Лены, обгоняя одна другую. Она понимала, что не может оставить дело просто так, теперь не может. Она ответственна за произошедшее на кладбище ничуть не меньше, чем землекопы в сине-зеленых комбинезонах. Она может бросить работу, эту бессмысленную работу по сведению одних цифр с другими и сделать смыслом своей жизни нечто большее. Что значительного в том, что она вписывает в личные дела ненужные поощрения престарелым зрителям вроде Геннадича?

В кабинет заглянули. Это был Виктор Семенович, зам генерального.

– Елена Сергеевна, сегодня крайний день сдачи отчета, жду до четырех, – начал он сугубо официально, но затем нахмурился и сменил тон. – А ты чего ревешь?

– Вик... – Лена поперхнулась, сглотнув подкативший к

горлу ком. – Виктор Семенович, все хорошо. Правда.

Она коротким движением смахнула слезы и сделала попытку улыбнуться. Начальник внимательно изучил ее лицо, скрестил руки на груди. Рукава синего, безупречно выглаженного костюма обнажили ослепительно белые манжеты рубашки, в петлях которых сверкнули красными огоньками рубиновые запонки.

– Не верю, – отрезал он. – Рассказывай.

– В общем... – Лена блуждала взглядом по крышке стола, подыскивая слова. – У Вас не бывает такого, что нужно сделать что-то... И Вы знаете, что по-другому никак. А никто не оценит и... возможно даже кто-то осудит, а кому-то это очень не понравится. А не сделать нельзя... потому что совесть и... сострадание и еще куча всего. – Лена подняла глаза на Виктора Семеновича. – Понимаете, о чем я?

– Ты не приболела? – спросил заместитель. – Вид больной.

– Нормальный у меня вид, – удивилась Лена. – Я же про другое спрашиваю.

– Раз не приболела, значит, отчет к шестнадцати сдашь?

У Лены отвисла челюсть.

– Зачем Вы попросили рассказать, если Вам нужен только отчет?

– Чтобы убедиться, что ты его сдашь, – с невозмутимым видом ответил Виктор Семенович. Запонки снова сверкнули.

– Можете не сомневаться, – сказала Лена, надеясь, что

сарказм в ее голосе не ускользнул от начальника. – Непременно сдам.

Когда зам ушел, она открыла папку «Отчеты». Порыскала взглядом по списку файлов, открыла последний, изменила дату на текущую и отправила его на печать.

Все так же равномерно гудел кондиционер, за дверью кабинета слышались звуки шагов и голоса коллег. Где-то на заброшенном кладбище двое мужчин в сине-зеленой робе, наверное, закапывали очередной труп, а кто-то получал за это денежный перевод с шестью нолями. И ведь все могло продолжаться именно так, если бы не тот самый телефонный звонок.

Лена вынула из принтера отчет, подписала его и скрепила степлером. Зашла в кабинет начальника отдела.

– Клавдия Ивановна, мне нездоровится что-то, – сказала она, положив отчет на стол. – Озноб какой-то жуткий, глаза чешутся... Вон, красные, видите?

Начальница, грузная немолодая женщина с подчеркнuto ярким макияжем, подняла взгляд.

– Божечки, Ленка, ты чего это? И правда вид – в гроб краше... ну, ты знаешь, – она насторожилась. – Отчет-то сваяла?

– Да сваяла, – Лена кивнула на документ. – Пустите меня на бюллетень до конца недели, а?

Клавдия Ивановна придвинула к себе отчет, наклонив голову набок, будто стараясь смотреть и на подчиненную, и на бумаги одновременно.

– А работать кто за тебя останется? Егорова-то в отпуске, – она прижала отчет к груди и принялась поглаживать его, словно котенка.

– Любовница шефа вон вышла, – Лена начала закипать. – Пусть отрабатывает.

Клавдия Ивановна прижала ладонь ко рту и кинула робкий взгляд на дверь.

– Я сделаю вид, что ничего не слышала, Елена, – полушепотом сказала она. – Ты иди. И возвращайся, когда придешь в себя.

Лена наигранно широко улыбнулась, сделала реверанс и направилась к двери. Взявшись за дверную ручку, остановилась и обернулась к начальнице.

– У нас тут так принято, да, Клавдия Ивановна? Все делают вид, что ничего не слышат.

Не дожидаясь ответа, она вышла в коридор. У кулера стояли двое молодых ребят из финотдела. Оба держали в руках пластиковые стаканчики с водой и молча смотрели на Лену. Один из них протянул ей стакан.

– Елена Сергеевна, водички? Бледная вы что-то.

Лена не помнила его имени. Она приняла стакан, залпом осушила и вернула парню.

Когда Лена вышла на улицу, по небу ползла громадная черная туча. Она уже съела ближайшие к ней солнечные лучи и хищно подбиралась к самому солнцу, обреченному быть проглоченным. Люди, оглядываясь на тучу, только ускоряли

шаг и озирались по сторонам в поисках места, где бы укрыться от неизбежного дождя. Налетел холодный ветер и, подняв вихри пыли, стал бросаться ею в прохожих.

Стало совершенно понятно, что грозы не избежать.

8

Лена сидела в сторожке кладбищенского смотрителя и тарщи́лась на желтую эмалированную кружку с цветочком на боку, пока Геннадич готовил чай. За окном бушевал ливень, в считанные минуты превративший дорогу, ведущую на кладбище, в месиво. Порывы ветра обрушивали потоки воды на окно, отчаянно дребезжащее при каждой атаке. В сторожке было тепло, уютно, стоял запах трав, пучки которых, аккуратно связанные бечевкой, висели под потолком.

Геннадич снял один из пучков, оторвал несколько листьев и водрузил пучок на место. Когда смотритель наполнил заварник кипятком, по сторожке поплыл горьковато-приторный аромат, и Лена невольно поежилась, словно пытаясь поправить на плечах плед, которого не было.

– Успела ты до дождя-то, Аленка, – сказал смотритель, усаживаясь рядом на табурет и придвигая к госте грязный целлофановый пакет. – Печенье вот у меня какое-то есть. Сменщик мой, что ли, оставил.

– Я не хочу, деда, – рассеянно ответила Лена. – Чаю бы можно. Только я Лена.

– Счас дойдет, погодь, – Геннадич пригладил усы, и Лена

невольно улыбнулась. – Травы, они времени требуют, силу просто так не отдают. Мне матушка сказывала, как с травами-то обращаться. А я маленький был, только-только коню под брюхо, но на ус мотал.

Помолчали.

– Так и с чем ты ко мне, Аленочка, пожаловала? – спросил смотритель. – Не чаю, наверно, пить? Или по работе чего?

– Нет, не чаю, Геннадич, – Лена придвинула к себе кружку и заглянула внутрь. – Тут случилось кое-что, а я все никак не пойму, что. И мне пойти не к кому. Я тут вдруг поняла, что... не к кому.

Геннадич наполнил желтую кружку ароматным чаем.

– Ты вот, тряпочку возьми. Нагревается шибко.

Лена приняла тряпочку и обернула ею кружку. Сделала крошечный глоток, обожгла язык, не почувствовав вкус напитка.

– Вот я к тебе и приехала, Геннадич, – подытожила она. – Ты ж меня на то кладбище отправил.

– А что с ним не так? – прищурился дед. – Могилы не нашла?

Лена пристально посмотрела в глаза старого смотрителя, бледно голубые, застланные дымкой потрясений и переживаний, добрые и мудрые, уставшие и слезящиеся. Она открыла рот, чтобы начать рассказ, и замерла, вдруг осознав, что не может решить, нужно ли делить с кем-то ответственность за увиденное. Рот закрылся сам собой.

Лена отвела глаза в сторону, порыскала взглядом по стене, увидела икону.

– Вот что, деда, – наконец, выпалила она, – на том кладбище происходит что-то страшное. Наверное, преступление или... преступления. Я ведь случайно узнала, я не просила об этом, я не хотела такое узнать. Я же хотела работать в отделе кадров, благодарности вам всем вписывать, людей на работу принимать, увольнять там. Я не собиралась тащиться на старое кладбище и такое там видеть. Это не мое, понимаешь? Не я должна была это увидеть, а другой человек. Полицейский, я не знаю... Прокурор какой-нибудь... Мужик, в конце концов! – Лену затрясло, и она вцепилась в кружку обеими ладонями. – Она сказала, я знаю, что делать, а я не знаю, деда! Как она вообще мне позвонила?

Геннадич хитро улыбнулся.

– Интересные дела, Аленка. Ты вот говоришь, не знаешь, что делать, а сама мне сказала. Другой должен увидеть. А женщина с того света только с женщиной может связаться, это все знают. Ничего удивительного нету. Она – тебе, ты – другому.

Лена оторопела.

– Я не понимаю...

– А и понимать ничего не надо, – сказал Геннадич. – Надо поверить только. Вера – ключ ко всем дверям. Погоди-ка.

Смотритель поднялся и прошаркал в дальний угол сторожки, чем-то загремел. Когда он вернулся к столу, то в руке

держал небольшой сверток размером с маленькую записную книжку, обернутый пожелтевшей от времени материей и обвязанный крест-накрест грубой льняной бечевкой.

– Вот, – протянул он сверток Лене. – Только не разворачивай пока. Отдашь тому, кто будет тебе помогать, а он знает, что с этим делать. – Смотритель отдернул занавеску с окна. – Смотри-ка, и дождь закончился. Вызывай свое таксо-то. Время, чай, не резиновое.

По пути в город Лена смотрела невидящим взглядом в окно и теребила в руках загадочный сверток. Пару раз она пыривалась развязать бечевку, но останавливала себя, крепко, до боли, сцепляя пальцы. Таксист пытался завести разговор, однако, получив несколько коротких сухих ответов, умолк.

Виктор Цой по радио пел про муравейник.

9

Дежурный отдела полиции оторвал взгляд от кроссворда и без интереса посмотрел на Лену.

– Товарищ... – Лена взглянула на его погоны и замешкалась, – полицейский. Так вы направите меня к начальнику или нет?

– Отсутствует, – словно через силу ответил дежурный, вернувшись к прежнему занятию. – Когда будет, не знаю. За него никто не остался. Людей не хватает.

Лена огляделась.

– Ну, а мою информацию вы ему передадите?

– Какую информацию, женщина? – полицейский отложил ручку в сторону, затем внезапно просиял, схватил ручку, вписал слово в клетки кроссворда, обвел кружочком цифру в задании и воззрился на Лену. – О том, что на кладбище закапывают мертвых людей? Вот так новость. Маньяк орудует, не иначе. О! Маньяк.

Дежурный вписал в кроссворд еще одно слово.

– Вы слушали вообще?! – возмутилась Лена. – Я ведь вам говорила...

За спиной хлопнула входная дверь.

– О, – оживился дежурный, – Семенов. Семенов! Иди сюда!

К окошку приблизился низенький, на голову ниже Лены, молодой парень в полицейской форме со светло-рыжими волосами, белой и гладкой, как у младенца, кожей, румяный и лоснящийся от пота. На его плече висела громадная кожаная сумка, которая, казалось, так и тянула владельца к земле. Форма на Семенове сидела мешковато, рубашка торчала из штанов, ворот кителя загибался кверху.

– Семенов, – сказал дежурный, – прими женщину, пожалуйста, запиши информацию, добро?

– Жень, – робко запротестовал Семенов, – я ведь занят сейчас, кучу проверок надо направить, парни из розыска мне своих еще подкинули, а сроки горят же у них, и свою работу я когда делать буду...

– Семенов, – дежурный жестом остановил поток слов. –

Просто запиши информацию и все, лады? Доложишь шефу, он поручит кому-нибудь и закроем тему. Давай, помоги мне, я зашиваюсь.

Он тут же накрыл кроссворд каким-то учетным журналом настолько явно, что Лена стала жалеть рыжеволосого Семенова. Тот в свою очередь тяжело вздохнул, буркнул: «Пойдемте» и, поджав губы, зашагал по коридору, сгибаясь под тяжестью своей сумки.

Кабинет Семенова был настолько узким, что полицейскому пришлось протискиваться к своему рабочему месту между столом и стеной боком. Всю левую сторону кабинета занимали платяной шкаф, секретер и два громоздких сейфа, серая краска на которых облупилась, обнажив ржавый металл. Электрические провода, проложенные поверх желтых с бурыми подтеками обоев, образовывали на стенах хитрую схему. Наглухо заколоченная деревянная оконная рама явно мешала проветривать помещение, и лишь приоткрытая форточка пыталась, как могла, спасти ситуацию.

– Зато я здесь один сижу, – виновато сказал Семенов, заметив замешательство Лены, искавшей, куда бы поставить сумку. – Остальные по трое, по четверо сидят. Вещи можно вот сюда.

Он переложил стопку папок с края стола на подоконник и смахнул на пол валявшиеся на столе скобы для степлера. Лена, однако, прижала сумку к себе и присела на край стула, подпиравшего створки шкафа.

Семенов бухнул свою ношу в угол, к сейфу, уселся на рабочее место, разгреб документы и впервые прямо посмотрел на Лену. Правый глаз его немного косил, что придавало полицейскому вид несуразный, даже комичный. Лена, с трудом сдерживая улыбку, представила себе, как Семенов говорит: «А был у нас давеча на производстве такой случай...» и начинает рассказывать анекдот, пародируя какого-нибудь Аркадия Райкина или Андрея Миронова, но, вспомнив, зачем она пришла сюда, поскорее отогнала эти мысли.

– Так, – буркнул Семенов, – для начала имя ваше, фамилия, место жительства, ну, остальное все.

Лена представилась.

– Что вы хотите сообщить...

– Следствию? – не удержалась Лена.

Семенов нахмурился, отчего стал выглядеть еще смешнее.

– Какому еще следствию? Мне. Я ж не следователь. Рано следствие вести, я еще ничего не знаю. Рассказывайте.

Лена, как могла, кратко объяснила суть дела, минуя информацию о звонке с того света и осыпавшейся могиле. Особенно она отметила, что из всех причастных ей известно только имя Коляна, а кто еще может иметь к этому отношение, она не знает. Семенов слушал внимательно и что-то записывал в блокнот. Когда Лена закончила, он уставился в одну точку, глядя на входную дверь, и некоторое время молчал.

– А что, простите, – наконец, произнес он, переводя

взгляд на собеседницу, – вы, Елена Сергеевна, делали на старом заброшенном кладбище в субботу днем?

– Я там... – замялась Лена, – была. Ну, гуляла. По лесу. Я в лесу гуляла и случайно зашла на кладбище.

– Далековато от города, не находите?

– Да какая разница, в каком лесу гулять? Мне там захотелось. Суть то не в этом, товарищ... кто вы по званию?

– Старший лейтенант. Можно Андрей Ива... – Семенов отвел глаза в сторону. – Просто Андрей. Ладно, с лесом проехали. Вы можете описать этих двоих? Чем детальнее, тем лучше.

Лена рассказала все, что смогла вспомнить, полицейский подробно записал, попутно уточняя особенности лиц гребовщиков. Затем он откинулся на своем стуле, перевернул страницу блокнота, взял простой карандаш и принялся что-то вычерчивать. При этом комическое выражение сошло с его лица, взгляд стал сосредоточенным, острым, даже правый глаз как будто перестал косить, плечи расслабились, опустились. Рука с карандашом стремительно летала над страницей блокнота, почти не касаясь ее.

Вид работающего Семенова настолько захватил Лену, что она потеряла ощущение времени и, когда он закончил и развернул к ней блокнот, не сразу сообразила, чего полицейский от нее хочет.

– Что? – переспросила она.

– Похожи? – спросил Андрей.

Лена обомлела. С листа на нее смотрели безупречно выполненные в карандаше те самые копатели, которых она встретила на кладбище.

– О! – смогла лишь воскликнуть она. – Так это ж... Эти... Они! А как ты... Вы их тоже видели, что ли?

Семенов быстро и густо покраснел.

– Нет, я их не видел. Вы же мне сейчас их описали. Я... – Андрей развернул блокнот к себе и критически оглядел рисунки, – нарисовал, как смог.

– Да это же шедевр! – вскричала Лена. – Как это у вас получается? Они точь-в-точь! Вот у этого справа только нос как будто покруче, с горбинкой такой, знаете?

Семенов сделал несколько штрихов и показал рисунок.

– Да, так. У вас же талант! Что вы вообще делаете на этой службе? Вам рисовать надо!

– Мы не будем это обсуждать... сейчас. Давай... – Андрей бросил стремительный взгляд на Лену, – ...те вернемся к вашим могилам. Ну, то есть, к тем могилам, которые вы видели. Поступим так. Я завтра доложу шефу всю информацию, он назначит ответственного, и вам позвонят. А может и не позвонят, не знаю. Короче, кто-то займется и все выяснит.

– Не ты? – Лена мысленно одернула себя, но слова выскочили быстрее. – Вы.

– Нет, – Андрей отложил блокнот в сторону и поправил сползший на бок галстук. – Я такими делами не занимаюсь. Я вообще по бумагам тут... Проверки, запросы, все такое.

Серьезные дела мне не дают. Не получается...

– Зато рисуешь хорошо, – попыталась подбодрить его Лена.

– Только что это, – ответил он и снова покраснел. – Но в полиции это не особо ценится. Все. Номер ваш у меня записан, по результатам сообщу, а сейчас... Ну, до свидания.

Семенов опять превратился в неуклюжего полицейского, поднялся, опрокинул стул, засуетился, пытаясь его поднять, и обрушил на пол стопку дел, лежавшую на подоконнике. Смущенно улыбнулся, пожал протянутую Леной руку и, опустившись на колени, принялся подбирать папки.

Трясаясь в трамвае, Лена глядела в окно и думала, что вот теперь она до конца исполнила то, о чем просила ее девушка Настя, и сейчас должно прийти успокоение.

Вагон несся мимо зданий, деревьев и людей, с грохотом оставляя их позади. Успокоение не приходило.

10

На следующий день Лена проснулась около десяти, ощущая себя разбитой и жутко усталой. Рядом на тумбочке отчаянно жужжал телефон. Лена протерла глаза, прищурилась. Незнакомым номерам она не доверяла, поэтому помедлила, прежде чем ответить.

– Алло, – наконец, сказала она в трубку. – Кто это?

– Это я, – раздался знакомый голос. – Андрей, ну, Семенов, из полиции. Помнишь?

– А, блин, – выдохнула Лена. – Ты зачем с незнакомого номера звонишь?

– Чего? У меня другого нет...

– Да не, забей, – спохватилась Лена. – Доброе утро. Какие новости?

– Ага. Добрый день вообще-то. Я, короче, доложил шефу про твою ситуацию. Рассказал все, что ты мне... И фотороботы этих мужиков показал. Я-то думал, он назначит оперу... это... оперативного работника на дело, чтобы расследовать там и все такое. Ну, он забрал у меня все записи и рисунки, а сейчас вызвал и, типа... как бы это помягче... отругал, мол, говорит, чего ты ерундой занимаешься всякой. Он, конечно, в других выражениях говорил, но я так, чтоб при женщине не ругаться. Сказал, чтоб я думать про это забыл и своими делами занимался, а там вообще все не то, что ты рассказала, а тебя бы еще за ложный донос привлечь.

– Так, стоп, – оборвала его Лена. – Я поняла: полиция заниматься этим не будет. Мне меньше всего хочется за какой-то там ложный донос отвечать. Спасибо, Андрей, давай...

– Нет, нет! – чуть не крикнул Семенов в трубку. – Стой. Я что подумал. Тебе врать смысла нет. Какой нормальный человек попрется на кладбище? По базе психдиспансера я тебя проверил, ты на учете не состоишь. Прости... Между первым и вторым разговором с шефом прошло часа два. То есть, он не сразу мне отказал, а потом еще и припугнул неполным

служебным и увольнением. Он очень не хотел, чтобы этим делом занимались. Значит, его замнут, ходу материалам не дадут. Что-то тут нечисто.

– Андрей, я поняла, что твой шеф в теме. Мне с полицией не тягаться. Зря пришла вообще. Давно надо было забить.

– Нет, ты опять не поняла, – терпеливо продолжал Семенов. – Как раз потому, что дело пытаются замять, им надо заняться. Собирайся, я заеду до тебя через двадцать минут. Покажешь мне то место.

Лена дала себе обещание больше не судить о людях по первому впечатлению.

11

Солнце усердно пыталось пробиться сквозь густую сочную листву вековых дубов, поигрывая то тут, то там искрами солнечных зайчиков, но разогнать полумрак старого Красносельского кладбища не могло. Все так же влага сырой земли висела в воздухе едва заметным туманом, укутывая лодыжки. Стояла тишина. Природа замерла. Под пологом плотных крон царили духота и смрад гниющей древесины.

Лена и старший лейтенант Семенов смотрели на край обвалившейся могилы Анастасии Чермяшиной. Полицейский сменил форму на джинсы классического покроя, застиранную выцветшую красную футболку и джинсовую куртку, отчего стал выглядеть менее комично, но по-прежнему походил на студента третьего курса, не пользующегося популяр-

ностью у девушек.

– Вот это место, – сказала Лена.

Андрей кивнул.

– А копали они где?

– Вон там, – показала Лена. – Где земля свежая. А я вон за тем деревом сидела и все видела.

– Не боялась? – Андрей, аккуратно ступая, принялся обходить могилы и углубляться в лес.

– Да куда там, – Лена поежилась. – Дрожала, как Каштанка на морозе. Если бы заметили, закопали бы рядом.

– Это точно, – задумчиво произнес Семенов и присвистнул. – Е-мое. Да тут куча захоронений. Вот посвежее, а эти – давнишние, но по грунту видно, холмики явно не естественного происхождения. Я смотрю, они не особо утруждали себя маскировкой. Не боялись, значит. Сколько ж тут народу зарыто?

– Не знаю, – пожала плечами Лена. – Тебе видней, гражданин начальник, из нас двоих ты мент, вот и разбирайся. Те двое сказали, человек двадцать.

Семенов странно посмотрел на спутницу, но промолчал. Он извлек из нагрудного кармана куртки блокнот, простой карандаш и, бормоча что-то под нос, принялся делать записи, периодически оглядываясь и тыча обратным концом карандаша в сторону холмиков.

Лена прислушалась и огляделась, особенно пристально всматриваясь в частокол деревьев с той стороны, откуда в

прошлый раз пришли «черные копатели». Лес молчал, лишь ветерок едва слышно шуршал листьями. Лена присела на корточки у надгробия Насти, в очередной раз поразившись, насколько юной была та, когда ее настигла смерть. Какой была эта смерть? Что, если она и ее муж Дмитрий мучались, и их души по сей день не находят себе покоя, разгуливая где-то неподалеку? Лену охватила дрожь. Оглядевшись, она подняла большую корягу, по виду напоминавшую мотыгу, и принялась рыхлить слежавшуюся землю, скидывая ее в обвалившуюся могилу Анастасии. Занятие захватило ее, и женщина не заметила, как Андрей подошел со спины и молча наблюдал за происходящим.

– Я, конечно, не Эркюль Пуаро, – сказал он, – но в целом картина мне ясна. Осталось установить фигурантов, собрать доказательства, и дело, можно сказать, в шляпе. Одна деталь не вписывается в объяснение.

Лена выпрямилась и уткнулась взглядом в ярко-голубые глаза Семенова. Тот хмурился, и женщине в очередной раз показалось, что косоглазие полицейского стало не таким явным. Андрею не шел вид серьезного человека.

– Ну? – сказала Лена, отряхивая руки. – Сам спросишь или что?

– Как вы здесь оказались и что вы здесь делали? – выпалил Семенов, тут же густо покраснев, но сохраняя суровый вид. Лена покосилась на надгробие Анастасии и ответила:
– Она привела меня.

– А кто это? – голос Андрея стал мягче. – Твоя родственница? Пришла навестить?

– Слушай, – Лена поджала губы и принялась собирать волосы в хвост, – я тебе расскажу все, – она присела на ствол поваленного дерева. – Только дослушай до конца, не перебивай и не задавай глупых вопросов. Просто слушай. Сомневаться будешь потом. Я сама ничего не понимаю.

Андрей почесал в затылке, кивнул и присел рядом.

Когда Лена закончила рассказ, он несколько минут молчал, глядя прямо перед собой. Зрачки его глаз медленно блуждали из стороны в сторону, словно рассматривая огромное полотно в художественной галерее, пытаясь охватить его целиком и связать воедино отдельные элементы.

– Хм, – наконец произнес он. – Ну, теперь хотя бы все сходится.

Пришла очередь Лены удивляться.

– И все? Ты хочешь сказать, что поверил? Я сама-то до сих пор не верю!

– По крайней мере, это логичное объяснение всему. Как говорил Шерлок Холмс, отбросьте все невозможное, тогда то, что останется, и будет истиной, как невероятно бы оно ни звучало.

Семенов присел на корточки у надгробий четы Чермяшиных и внимательно прочитал надписи, сделал пометки в своем блокноте.

– Неплохие надгробия поставили, – пробубнил он, подни-

маясь. – Вон сколько простояли.

– Сто лет прошло, Андрей.

– Вот я и говорю... Давай-ка, закопаем могилу и пойдем уже отсюда.

12

Когда Андрей припарковал свою «шкоду» у центральной площади и заглушил двигатель, Лена повернулась к нему.

– И что дальше?

– Дальше разделимся. Ты идешь в свой офис и вытаскиваешь всю информацию о сотрудниках. Получится?

Лена кивнула:

– Да, я могу распечатать их из эски.

– Эски?

– Один эс, программа такая. У всех кадровиков установлена. Оттуда можно вывести список на печать.

– Прекрасно. Мы вычленим из списка наших фигурантов, ну, копателей этих. Я поеду к себе в отдел и умыкну ноут с базами данных, дома будет спокойнее смотреть. Затем созовимся и встретимся... – Семенов залился румянцем, – у меня дома. Ну, или у тебя. Если ты не против, конечно.

Внутренне Лена улыбнулась самой умильной улыбкой, на какую была способна, и закусила губу, чтобы не выдать своего отношения к такому трогательному приглашению от парня, в сторону которого в иных обстоятельствах она бы и не взглянула.

– Договорились, – сказал она.

– Тебя подкинуть?

– Не, тут недалеко, я сама. Наберу тебя.

Лена выскользнула из машины и побежала к светофору, чувствуя себя школьницей на первом свидании, которая торопится домой, где ей скорее всего за что-нибудь влетит.

13

В офисе стояла тишина. В обеденный перерыв сотрудники, как обычно, занимались всякой ерундой. Кто-то дремал, кто-то ковырялся в телефоне, некоторые убежали решать личные вопросы.

Лена с бешено бьющимся сердцем, быстро, как только могла, прошмыгнула мимо приемной генерального, хотя в душе знала, что секретарша Маринка замечает и знает все и вся в радиусе десяти метров от своего стола. Ладони вспотели, руки дрожали, и Лена долго не могла разобраться с ключом, озираясь, словно вор. Наконец, замок щелкнул, и в родном кабинете Лена почувствовала себя относительно спокойно. Не теряя ни минуты, она включила компьютер. Уже третий год Лена требовала заменить ей технику. Экран загрузки уверял, что идет включение, но казалось, что он завис.

– Чего так долго-то? – пробурчала Лена. – Давай, старичок, поднажми.

В коридоре зашумели. До слуха Лены донеслись звуки го-

лосов, мужской и женский.

Сердце подпрыгнуло к горлу, затрепетало.

На экране вспыхнула заставка. Лена заученными движениями, не глядя на клавиатуру, ввела пароль, дождалась, пока откроется рабочий стол, запустила программу 1С.

Голоса зазвучали ближе.

Лена открыла список сотрудников, вывела его на печать. Принтер молчал.

– Да чтоб тебя!

Внезапно зазвонил телефон. Лена подпрыгнула, схватилась за грудь. Кому приспичило звонить прямо сейчас?

Лена подняла трубку.

– Заприте дверь, – раздался знакомый голосок.

– Божечки, Настя, – зашептала Лена в ответ. – Я...

– Заприте дверь немедленно, – нетерпеливо повторила Настя.

Лена бросила трубку на стол, схватила ключ, вскочила, кинулась к двери, одним точным движением вставила ключ в скважину, дважды повернула. Тут же ручка двери опустилась вниз, на дверь нажали.

– Закрыто, – сказал мужской голос снаружи. Виктор Семенович, зам генерального. – Вам показалось.

– Да нет же, – голос Маринки, – я точно ее видела. Она там. Замок же щелкнул. А сама на больничный ушла.

– На больничный, да, – подтвердил второй женский голос. Клавдия Ивановна, начальник отдела.

Лена метнулась к принтеру, щелкнула выключателем. Вернулась к столу, запустила печать. Аппарат зажужжал и стал глотать бумагу.

В дверь постучали.

– Елена Сергеевна! – сказал Виктор Семенович. – Вы там, я знаю. Откройте, пожалуйста! Вы мне срочно нужны!

Лена схватила трубку. Короткие гудки. Она плюхнулась в кресло и закрыла лицо руками. Во что она ввязалась? Какие люди стоят за всем этим? Что может она сделать совсем одна?

– Елена Сергеевна! – зам с силой дернул ручку двери. – Вопрос срочный и важный! Откройте немедленно!

Лена опустила руки на стол. Она ведь не одна. Есть Андрей, который обязательно что-нибудь придумает. Есть Геннадич. Есть Анастасия Чермяшина, в конце концов, которая помогает ей даже с того света. Девушка Настя, которая и жизни-то не видела толком, но для души которой этот вопрос почему-то очень важен.

На дверь надавили так, что затрещал дверной косяк.

– Елена Сергеевна! – почти закричал зам генерального и тихо сказал кому-то рядом: – Ломайте уже дверь.

Внезапно Лену охватило поразительное хладнокровие. Голова прояснилась, мысли стали чистыми, как утренняя роса. Дрожь ушла.

Принтер замолчал.

– Ой, да идите вы в жопу, Виктор Семенович, – спокой-

но сказала Лена в пустоту, поднялась, схватила распечатку и направилась к окну.

Она открыла одну створку, мысленно воздавая благодарности себе за то, что утром надела джинсы и кроссовки, а специалистам компании «Комплексные системы безопасности» – за то, что убедили генерального директора установить на окнах беспроводные датчики вместо решеток. Лена вскочила на подоконник, окинула прощальным взглядом кабинет, отдавая себе отчет, что больше не вернется сюда, с сожалением посмотрела на телефонный аппарат, глубоко вздохнула, выбила ударом ноги москитную сетку, спрыгнула на землю и, напевая под нос «Перемен требуют наши сердца», не торопясь направилась к автобусной остановке.

14

– Входи, – даже в полумраке прихожей было видно, как порозовели щеки Андрея. – Я все приготовил. Вешалка вот. Света нет, прости. Лампочку все никак не поменяю.

Квартира Андрея напоминала его кабинет – такая же крошечная, тесная, заваленная горами предметов, казалось, не имевших никакого отношения к личности владельца. Пожалуй, это жилище можно было назвать студией с одной только оговоркой: оно ею не являлось. Из мебели в единственной комнате Лена обнаружила только старый диван, накрытый пестрым пледом, и бабушкин лакированный коричневый комод, вытянувшийся вдоль стены. Вход в кухню был обозна-

чен аркой, со сводов которой свисали лохмотья обоев. По краям кухонного стола, рискуя упасть, громоздились стопки каких-то бумаг. В центре стола лежал ноутбук с закрытой крышкой. Кухонный гарнитур выглядел древним, но хорошо сохранившимся. На плите под туркой горел газ.

– Съемная, – будто бы извиняясь, развел руками Андрей.
– Кофе через пару минут будет готов.

– Мило, – сказала Лена, озираясь. – А как ты понял, что пора кофе ставить?

– В окно тебя увидел. Третий этаж, двор открытый. Проблемы на работе были?

Лена перехватила взволнованный взгляд Андрея.

– Были. Думаю, меня уже начали искать.

– Плохо, – Андрей засуетился. Он вынул из шкафа две чашки, стал яростно натирать одну из них полотенцем. Затем замер, отер лоб. – Это правильно, что мы встретились у меня. Только домой тебе больше нельзя. Да и ко мне скоро могут прийти. Ты как? – повернулся он к Лене.

– Я нормально. Погоди, а кто цветы мои польет тогда? – Лену охватила мелкая дрожь. – И показания счетчиков завтра сдавать. А кого баб Валя попросит за кошкой ее приглядеть, когда на дачу поедет?

На плите зашипело.

– Черт! – спохватился Андрей.

Он сдернул турку с плиты, принялся разливать кофе по чашкам, придерживая край полотенцем, как заправский со-

мелье.

– Слушай, – сказал он, не поднимая глаз, – еще не поздно все отменить. Возвращайся домой. Когда придут, все отрицай. Я верну ноут на работу. А если будут спрашивать, скажешь, что...

– Нет, – отрезала Лена.

Она опустила на табурет. Тот покачнулся и скрипнул. За окном завывала полицейская сирена, но Лена не повернулась на звук, как сделала бы неделей ранее. Она взглянула на свои руки, вдруг переставшие дрожать, и уложила их на колени.

– Нет, – повторила она и удивилась металлическим ноткам в своем голосе. – Так мы делать не станем. Во-первых, на моем компе открыта эска со списком. Во-вторых, меня видели в офисе. А в-третьих... – Лена приняла от Андрея чашку и вдохнула аромат. – В-третьих, какого хрена? Слушай, эти упыри воротят, что хотят, а мы будем по домам прятаться? Знаешь... – Лена отпила кофе и помолчала. – Еще каких-то пять-шесть дней назад я вела учет работников похоронного бюро и горя не знала. У меня была двушка почти в центре, наполовину выплаченная ипотека, бывший муж, караоке по пятницам с подругами, йога рядом с работой, свой коврик даже. Не у каждого есть свой коврик для йоги, понимаешь? У меня было чуть-чуть накоплений на машину и мечта встретить нормального мужчину. Времени только не было. А сейчас – вагон времени, какой-никакой мужчина рядом – не обижайся – но нет работы, квартиры и прочего. А

знаешь, что самое главное? Сейчас я – единственная женщина в мире, ну, или, по крайней мере, в этом городе, кому позвонили с того света и попросили помочь. И ведь сначала я хотела забить, промолчать. Оставить все, как есть. Ну и нужна бы мне была вся эта жизнь тогда? Знать, что я позволила злодеям вершить их злодейские дела, хотя меня, наверное, Бог выбрал или кто там, не знаю, чтобы не дать этому происходить, остановить их каким-то образом. И тебя, – Лена ткнула Андрея пальцем в грудь, – выбрал тоже Бог. Так что давай-ка вот это вот «все отрицай» мы не станем больше вспоминать, пока... ну, не закончим. А там решим, отрицать или нет.

Андрей некоторое время ошарашенно смотрел на Лену.

– Я даже засомневался сейчас, кто из нас больше мужчина, – наконец, сказал он, улыбнувшись. – А с мужем почему расстались?

Лена нахмурилась.

– Прости. Я хотел сказать, давай уже за дело, – мотнул головой Андрей. – Думаю, времени у нас не так много. Вот ноут с базами. И его, и меня скоро начнут искать. Списки принесла?

Лена извлекла из сумки сложенные вдвое листы и примостилась рядом с Андреем за столом. Семенов включил компьютер и принялся по новой переключивать наваленные на столе бумаги. Одна из стопок угрожающе накренилась и с мягким шуршанием съехала на пол. Лена не смогла удержаться.

жаться от улыбки.

– Все, как у всех, – пожала она плечами. – Не сошлись характерами.

15

Сопоставить списки сотрудников и базу данных полиции труда не составило, и скоро Лена с Андреем получили краткие досье на каждого из подозреваемых. Полицейский снабдил их пояснениями о преступлениях, куда внес все, что увидел на кладбище, и подробно записал показания Лены. Затем скопировал файлы на две флешки. Одну из них он упаковал в белый пластиковый конверт, другую сунул в маленький «пятый» карман джинсов.

– Ну вот, – сказал он, закончив манипуляции, – осталось завезти флешку одному моему товарищу, он в ФСБ работает, и там уже разберутся, что к чему. Полиции доверять больше нельзя, по крайней мере, местной.

Лена погрустнела.

– Ты же больше не сможешь там работать, да?

– Скорее всего, нет. Хорошо, если просто уволят, – махнул рукой Андрей. – Да и ты, наверное, уже безработная.

Лена кивнула:

– Как минимум. Знаешь, о чем я думаю? – она подошла к окну и залюбовалась огромными тополями с изумрудными листьями, чьи верхушки колыхались на ветру на уровне пятого этажа. – Жаль, что к офисному телефону у меня боль-

ше доступа нет. Когда я распечатывала списки, Настя опять предупредила меня, что за мной пришли. Только благодаря ей я ушла оттуда.

Андрей зашумел водой и загремел чашками в мойке.

– Это как раз не проблема, – сказал он, не оборачиваясь.
– Поставь переадресацию на свой мобильник. Хотя я бы и симку поменял, и сам аппарат. Нас по телефонам отследят, как нефиг делать.

Лена нахмурилась.

– Я не знаю, как ставить переадресацию. А с телефонами – это идея. Слушай, – она прижалась лбом к стеклу, – какая-то суета внизу. Три полицейские машины сразу. Может, случилось что?

Андрей отпрянул от мойки, выглянул в окно.

– Черт! Конечно, случилось! Мы с тобой случились, Лена! Собирайся, быстро! Это за нами!

Неуклюжесть в действиях Андрея опять куда-то улетучилась, его движения стали четкими, быстрыми и короткими. Он сгреб со стола ноутбук, сунул его в сумку, подскочил к шкафу, раскрыл дверцу, достал с верхней полки рюкзак, выдвинул верхний ящик комода, покидал в рюкзак какие-то вещи, схватил за руку оторопевшую Лену и потащил ее к выходу. Только Андрей повернул ключ в замке, как в квартире затрезвонил домофон.

– Отлично, – сказал полицейский, – пока они войдут в подъезд, мы успеем уйти. Соседи хрен откроют, они тут та-

кие.

– А мы-то куда уйдем? – Лена почувствовала, как первая горячая паника сменилась тем же хладнокровием, что пришло к ней в офисе. Она опять обрела способность думать. – Выход из подъезда один.

– Второй этаж для тебя не слишком высоко? – подмигнул Андрей и направился вниз по лестнице. – Иди за мной.

Он нажал на звонок у двери квартиры этажом ниже и прислушался.

– А если там никого? – шепотом спросила Лена.

Андрей покачал головой и позвонил еще раз. За дверью загремели ключами.

На первом этаже пиликнул домофон, и коридор подъезда наполнился звуками шаркающих ног и едва слышных голов.

– Третий этаж, – сказал кто-то.

– Быстрее, – отозвался второй.

Лязгнул замок, и дверь квартиры приоткрылась. Андрей, не мешкая, бесцеремонно распахнул ее шире, втолкнул в темную прихожую Лену, юркнул туда сам и осторожно, без лишнего шума прикрыл дверь, после чего навалился на нее всем телом и приник к глазку.

– Андрюша, – раздался за спинами беглецов скрипучий голос. – Я, конечно, понимаю, что ты из милиции, и тебе все можно, но границы-то надо знать! Это еще кто с тобой?

– Баб Кать, – ответил Андрей, не отрываясь от глазка, –

простите, пожалуйста. У нас экстренная ситуация. Облава. Менты дело шьют. Схорониться бы нам.

Лена хохотнула.

Полицейский медленно повернул ключ в замке и развернулся.

– Нет времени объяснять, но нам нужен ваш балкон. Вы ведь не убрали ту лестницу?

Он щелкнул выключателем. Баба Катя оказалась низенькой седой старушкой с короткой мальчишеской стрижкой, глубоко сидящими глазами и острым, как бритва, взглядом.

– Не убрала. Квартиры, вон, горят, как проклятые. Я еще жить хочу. Чего натворил?

– Я вам потом расскажу, но ничего криминального. Мы с коллегами неправильно друг друга поняли, – и он обратился к Лене: – Баб Катя приспособила веревочную лестницу под пожарную, даже огнеупорной пропиткой ее обработала.

– Потому что заранее надо думать, – сказала старушка. – Проходите, не разувайтесь.

Она провела беглецов в комнатуху, где ковры не укрывали только потолок, а вдоль стены монолитом высился колосс древней деревянной лакированной стенки со стеклянными дверцами.

– Баб Катя, еще просьба, – говорил на ходу Андрей, – продайте мне свой телефон, я пять тыщ дам, а вы себе новый купите.

– Дак он у меня старенький и кнопочный. Тебе зачем та-

кой?

– Мне как раз такой и нужен, – Андрей достал из кармана оранжевую банкноту с Амурским мостом и протянул старушке. – Но времени крайне мало.

Баба Катя пожалала плечами, взяла с полки свой старенький местами скрепленный скотчем аппарат и обменяла его на бумажку.

Из подъезда донеслись крики и яростный стук.

– По соседям пошли, – словно сам себе сказал Андрей. – Скоро и сюда сунутся. Баб Кать, как придут...

– Ты ученого-то не учи. Я байки почище твоего могу рассказывать. Лестницей пользоваться умеешь. Давайте. Дверь за вами закрою.

Лена с Андреем выскользнули на балкон, где парень достал из-под куска плотного брезента смотанную в рулон веревочную лестницу, концы которой были закреплены на перилах. Андрей оглядел улицу, посмотрел вниз и сбросил лестницу. Та бесшумно раскрутилась, достав до земли.

– Хорошо, у баб Кати балкон не во двор выходит, – пробормотал Андрей. – Давай ты.

Лена, как опытный моряк, ловко спустилась вниз. Когда Андрей присоединился к ней, она спросила:

– А лестница?

– Баб Катя потом смотает. Эти ребята на балкон даже не полезут, – Андрей махнул рукой. – Я же знаю, как они работают. Да она их и не пустит в квартиру-то. Баб Катя – бывший

участковый. Ветеран органов, не халя-баля. Всем им фору даст. Давай-ка сюда свой телефон.

Андрей выключил ее и свой мобильники, зашвырнул их в заросли между гаражными блок-комнатами, стоявшими неровными рядами за домом.

– Машину брать уже нельзя. Пойдем пешком и очень осторожно. Есть план. Какой, говоришь, у тебя номер в офисе? Давай-ка сделаем переадресацию.

Лена на секунду задумалась, пытаясь представить, как она могла отнестись к Андрею, если бы встретила его хотя бы неделей раньше, и поняла, что, скорее всего, никак. Затем мотнула головой, вырывая себя из оцепенения, и назвала номер.

– Готово, – сказал Андрей через несколько минут и вручил Лене старый мобильник бабы Кати.

– Он не развалится у меня в руках? – спросила Лена.

– Не развалится. Он еще нас переживет, судя по последним событиям. Сейчас я волнуюсь больше о том, что нам некуда идти. У ментов много ушей везде.

– Ментов?

– Ну, да, так полицейских называют.

– Я знаю, чудак ты, – улыбнулась Лена. – Необычно такое от мента слышать.

Андрей махнул рукой.

– От мента еще и не такое услышишь. Есть соображения, куда нам податься, пока наши материалы дойдут до ФСБ?

Лена задумалась не дольше, чем на пару секунд.

– Ох, ну, конечно. Только одно место, Андрей. Только одно.

16

Кладбищенская сторожка встретила их все тем же ароматом высушенных трав, клетчатой скатертью на столике, скрипучим полом и пустотой.

Лена огляделась, по-хозяйски прошлась по комнате, заглянула во все углы, выглянула в окно и присела за стол. Андрей почесал в затылке и занял место у печки-буржуйки в углу, внимательно разглядывая стены и развешенные под потолком пучки трав.

– Наверное, он на обходе, – предположила Лена. – Подождем.

Прежде чем отправиться на кладбище, Андрей усадил Лену за столик в темной и вонючей рюмочной, заказав для нее сомнительного вида и противного вкуса селедку с луком и черным хлебом. Сам же исчез на сорок минут, и Лена, успев разочароваться в кулинарных способностях поваров рюмочной, порядком понервничала, вздрагивая и отворачиваясь к стене каждый раз, когда ходил новый посетитель.

Когда вернулся Андрей, Лена чуть не бросилась ему на шею и без сожаления покинула ненадежное и неприятное убежище. Андрей скупно и размыто рассказал, что ему удалось передать материалы в нужные руки, и неплохо бы спря-

таться до тех пор, пока его друг не найдет им применение. На попутках они добрались до Красносельского и теперь сидели в душной пропахшей дикоросами сторожке, глядя друг на друга и размышляя каждый о своем.

Никогда еще Лена не ощущала себя более одинокой и более свободной, чем в этот миг. Она понимала, что ей пытаются помешать люди, которым есть что скрывать от мира. Она же, как ни разу в жизни, была открыта и беззащитна, однако понимала свою правоту и знала, что большая часть населения Земли, узнай об этом деле, встала бы на ее сторону, и тогда никакая злая сила ей не страшна. Уверившись в этом и найдя в этом прочную опору, Лена понемногу успокоилась. Ей стало совершенно ясно, почему с таким непоколебимым умиротворением шли на смерть люди, уверенные в своей правоте. Никакая смерть не способна уничтожить правду. «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным», – вспомнила Лена фразу, которая как-то попалась ей на глаза в газете. В связи с чем это упоминалось и чьим это было высказыванием, она не помнила, но ей казалось, что слова очень точно описывали происходящее.

– Жаль Геннадич ушел, – наконец, вздохнула она. – Он бы точно сказал, что нам дальше делать. У меня вот идей нет никаких.

– Вернется – спросим. Я бы ничего не делал, – сказал Андрей. – Надо просто ждать. Другой информации по делу все равно нет. Вряд ли у твоего Геннадича есть что-то, что про-

льет свет на те события. Ты ведь говоришь...

Лена хлопнула себя по лбу с такой силой, что перед глазами поплыли круги.

– Вот я дура!

– Позволь не согласиться... – начал Андрей.

– Дура! Дура! Я – дура! Геннадич *уже* дал мне информацию для тебя!

– Для меня?

– Он совершенно точно что-то знал! – Лена зарылась пальцами в свои волосы, затем кинулась к сумочке и извлекла из нее маленький сверток, обмотанный старой бечевкой. – Потому что в последний раз, когда я его видела, он дал мне это и сказал передать тому, кто будет мне помогать!

Андрей осторожно, как сапер к растяжке, приблизился к Лене и с интересом посмотрел на сверток.

– А что там? – спросил он.

Лена пожала плечами.

– Геннадич велел не открывать. Только тебе можно.

– И ты типа не открыла? – недоверчиво прищурился Андрей.

– Дурак? – Лена ткнула его кулаком в плечо. – Сказано не открывать, значит не открывать, – проговорила она, пытаясь имитировать речь старика, и сама этому рассмеялась. – Давай, помощник, приоткрывай завесу тайны.

Андрей принял сверток, повертел его в руках, понюхал, потряс над ухом, посмотрел на просвет. Затем осторожно по-

тянул за конец бечевки. Узел без труда распустился. Андрей развернул желтоватую материю, и на пол посыпались посе-ревшие от времени фотокарточки. Андрей некоторое время смотрел на них, как зачарованный, затем бросил восхищен-ный взгляд на Лену, присел на корточки и бережно собрал фотографии. Он провел пальцем по той, что оказалась свер-ху и улыбнулся.

– Я здесь, – сказал он едва слышно дрожащим голосом и обратился к оторопевшей Лене. – Ты готова ее увидеть?

17

Пока Лена приходила в себя, Андрей занялся пригото-влением чая. Будто старый хозяин сторожки, он без труда на-шел чайник, заварку и кружки, включил электроплитку. Фо-тографии при этом он сунул в нагрудный карман куртки.

Наблюдавшая за нехитрыми манипуляциями Лена трях-нула головой.

– А что это вообще там было?

Андрей достал из кармана фотографию и протянул ее Лене. Со снимка, старого, потресканного, с неровными за-тертыми краями, смотрела совсем юная девушка с пестрым платком на голове, одетая в простое светлое платье в темный горошек. Из-под платка на грудь выныривала толстенная ко-са с вплетенными в нее маленькими цветками. Лена порази-лась тонким и нежным чертам лица девушки. Ее взгляд был полон умиротворения и любви, губы трогала едва заметная

улыбка. Ни дать, ни взять, крестьянская версия Моны Лизы.

– Это... – несмело начала Лена.

– Настя Чермяшина, – закончил за нее Андрей, улыбаясь.
– Фото сделано незадолго до ее смерти, в мае 1925 года. Пора тебе узнать всю историю.

– Но откуда ты...

– Терпение, Лена, терпение, – Андрей снял с плиты чайник и принялся заваривать чай. – Всему свое время. Осталось недолго, потерпи, пожалуйста. Где тут у него травки?

Андрей выдернул несколько сухих веточек из пучка, висевшего под потолком, и, растерев их между ладонями, бросил в заварник.

– За чаем беседа будет приятней, так ведь?

Лена опустилась на стул, с опаской глядя на Андрея. Тот расставил кружки, поставил в центр стола пышущий жаром чайник, не спеша разлил заварку. Когда приготовления были завершены, Андрей занял свое место за столом, взял из рук Лены фотографию и с любовью посмотрел на нее.

– В самом конце девятнадцатого века, – негромко начал он, – в Красном селе в семье кузнеца Егора Савельева родилась девочка. Да, Красным село назвали не большевики, оно таким было за полвека до их прихода к власти. Все из-за залежей красной глины, которую здесь добывали. Но это не имеет никакого отношения к нашей истории, – Андрей придвинул кружку ближе к Лене. – Пей, остынет. Девочку нарекли Настей. Мамы своей она не знала, мама ее умерла от

заражения крови вскоре после родов. Егор никогда больше не женился и сам растил дочку. Скажу я тебе, у него это получалось прекрасно. Настя многое умела, по хозяйству все делала, за скотиной ухаживать научилась, в целебных травах разбиралась, в лесу себя чувствовала, как дома, да и в селе ее все любили. Когда настала пора ей выходить замуж, она наотрез отказалась. Полдеревни присылали сватов к Егору, но Настя даже видеть никого не хотела. Когда Россия вышла из первой мировой, в селе появился парень, бывший солдат...

– Дмитрий Чермяшин, надо полагать? – вставила Лена.

– Точно, – улыбнулся Андрей. – Дмитрий Чермяшин. Пришел, хромая. Ранило его. Он был в составе восьмой армии во время Луцкого прорыва под командованием генерала Брусилова.

– Это тот, который Брусиловский прорыв?

– Так его позже назвали. Восьмая наступала на Луцк, поэтому изначально прорыв был Луцким. Но и это неважно. Дмитрий нанялся к Егору подмастерьем. Силы у солдата было немеряно, даром, что хромой, и Савельев нарадоваться не мог, какой замечательный работник ему достался. Так и приметил Настя своего будущего мужа. Суть да дело, в 1923-м обвенчались в красносельской церкви, стали жить в доме отца. Кузня рядом, работали вместе, горя не знали. А потом у Димы обнаружились еще и способности художника, он стал ставни в селе расписывать, даже в церквушку местную его приглашали, над иконостасом работать.

– Ты будто сказку рассказываешь, – усмехнулась Лена.

– О, ты дальше слушай, – Андрей глотнул чаю, – главная сказочка еще впереди. Гробовщика в Красном селе не было. А вот в соседней Соколовке был. Сейчас это Соколовский район города. В нем как раз твой офис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.